

Император Сюанью был правителем трудолюбивым и внимательным к нуждам народа, он трудился не покладая рук, благодаря чему в Наньчжао наступили десять лет процветания.

Однако из-за постоянного переутомления и пренебрежения отдыхом он скоропостижно скончался в расцвете сил.

Еще при жизни государь издал указ: после смерти похоронить его скромно, возвести усыпальницу в горах, не насыпая кургана и не высаживая деревьев.

И все же, будучи правителем страны, которого народ превозносил как мудрого и великого монарха, он заслуживал достойных проводов, и даже при самой скромной организации церемония затянулась на целый месяц.

Весь мир облачился в траурные одежды, по всей стране соблюдался двадцатисемидневный пост, который завершился лишь сегодня.

Линь Цэ вернулся в столицу два дня назад, сославшись на недомогание из-за смены климата. Он заперся в своем поместье, никого не принимая.

Сегодня был уже девятый день.

Из дворца прибыли гонцы, и Сунь Юдэ, также служивший евнухом, взял на себя переговоры с ними.

Великий генерал Линь вместе с отрядом личной охраны пообедал, а затем отправился на плац для тренировки.

Чжуюэ с любопытством взглянула на Чжуйсина:

— Ты что, днем не идешь отдыхать? Смотри, не вздумай клевать носом во время ночного дозора.

Чжуйсин ответил сухо:

— В эти дни по ночам безопасно, мне не нужно дежурить. Теперь я буду охранять генерала днем, так что тебя это больше не касается.

Они были двумя телохранителями: один отвечал за дневную смену, другая — за ночную.

Генерал Линь предоставил ему отпуск, чтобы тот мог передохнуть в столице, но Чжуйсин сам решил взять на себя дневное дежурство.

— Как ты разговариваешь со своей сестрой? — Чжуйсин был хорош собой, но его высокомерный, собачий нрав порой выводил из себя, а пренебрежительный тон был просто невыносим.

Что значит — не касается?

Чжуюэ сопровождала генерала Линя днем еще и потому, что тот, будучи человеком деликатным, не хотел ставить ее в ночные смены.

В резиденции генерала жили одни грубые вояки, служанок не было, и она, будучи единственной женщиной, заодно выполняла и женскую работу.

— Чай подать, воды принести, одежду поправить, еду разложить — разве ты с этим справишься!

Чжуйсин равнодушно взглянул на нее и поправил:

— Названной сестрой. И с такой тонкой работой, как подача чая или смена одежды, ты тоже не справишься. К тому же, ты слаба в боевых искусствах.

Глаза Чжуюэ округлились:

— Да ты...

Этот его скверный характер, вечно смотрящий на всех свысока, с самого детства действовал ей на нервы.

— Ну ладно, значит, на тебя управы нет, — она поднесла ладони ко рту и крикнула в центр плаца, где Линь Цэ упражнялся с охраной: — Генерал! Чжуйсин говорит, что ваш предыдущий прием был неверным, он хочет выйти на поединок с вами!

Генерал в эти дни был не в духе и во время спаррингов действовал особенно жестко.

Охранники, сбитые им с ног, валялись на земле, придумывая оправдания, чтобы не вставать, но, услышав слова Чжуюэ, тут же повеселели.

Линь Цэ обернулся, усмехнулся и вскинул острый подбородок:

— Мы давно не спарринговали. Отлично, давай попробуем.

Чжуйсин застыл на месте, остолбенев.

Придя в себя через мгновение, он бросил на Чжуюэ полный ненависти взгляд.

Чжуюэ торжествующе улыбнулась и подлила масла в огонь:

— Генерал, Чжуйсин сказал, что вы не сможете его победить.

В этот момент на плац уверенной походкой вошел Сунь Юдэ.

Сердце Чжуюэ дрогнуло: неужели снова пришли с проверкой? Только бы не этот ехидный евнух.

Она машинально покосилась на руки Сунь Юдэ.

К счастью, никаких приглашений или посланий в руках у него не было.

— Генерал, — Сунь Юдэ подошел к Линь Цэ, его тон был не слишком почтительным, но вполне искренним: — Двадцатисемидневный траур по императору Сюанью завершён. Завтра состоится утреннее собрание.

Император Сюань скончался внезапно, новый правитель ещё не взошёл на трон, и никто из них пока не решался называть его покойным императором.

Государственный траур окончен, и на завтрашнем собрании, нетрудно было догадаться, гражданские и военные чины непременно начнут обсуждать вопрос о престолонаследии.

Союз Линь Цэ и вдовствующей императрицы Дун пока оставался тайной, покрытой мраком. За это время многие пытались нанести визит генералу Линю, чтобы вывести его позицию или привлечь на свою сторону, но Линь Цэ всех выпроваживал.

— Генерал, завтрашнее великое собрание имеет решающее значение. Вы больше не можете сослаться на болезнь.

Будь то Чжоу Цзэи или Линь Цэ, для обоих это был первый выход в свет.

Как бы он ни презирал Чжоу Цзэи, сейчас им следовало встать плечом к плечу против общего врага.

Линь Цэ нетерпеливо поморщился:

— Я знаю.

— Подготовьте мою парадную форму, — уголки его губ изогнулись в ироничной усмешке. — Завтра я, главнокомандующий из краев вечной мерзлоты, отправлюсь во дворец посмотреть на этот мир.

На рассвете, в час Кролика, первые лучи солнца озарили горизонт.

Восходящее солнце пробилось сквозь тонкие облака, осыпая золотом глазурованную черепицу императорского дворца.

По вымощенной золотым кирпичом дороге к дворцу уверенно шагала статная фигура.

Линь Цэ был облачен в алые парадные одежды военачальника и золотые доспехи, от него веяло холодной, пронзительной решимостью.

Великий генерал, подавляющий Север, Линь Цэ с того самого дня, как получил титул, бесценно охранял границы и ни разу не возвращался в столицу.

При дворе все знали о его существовании, но мало кто видел его в лицо.

И даже те, кто не видел, могли сразу догадаться, кто этот незнакомый военачальник, появившийся во дворце Цзяншань.

Внешность Линь Цэ была слишком приметной, чтобы ошибиться.

Высокий, статный, он совсем не походил на того тучного здоровяка, каким его описывали слухи.

Но эта бледно-зеленая маска демона-цилиня вблизи выглядела еще более устрашающе, чем рассказывали.

Неудивительно, что жители трех областей Шобэя предпочитали не вешать дома изображения Чжункуя, а приклеивали на двери портреты генерала Линя.

Это лицо, наполовину скрытое маской, действительно обладало силой отгонять злых духов,

подобно каменным львам у ворот богатых поместий.

Некоторые сановники, уже построившие планы, как бы завязать знакомство с генералом, увидев эту жуткую маску, сглотнули слюну и попятились — они не только не решились подойти, но и поспешили отойти на три шага назад.

Линь Цэ широким шагом вошел во дворец Цзяншань и занял свое место во втором ряду военачальников.

Четверо великих полководцев, охраняющих государство, хоть и имели одинаковые звания, но Великий генерал, усмиряющий Юг, происходил из знатного рода Чжун, стоявшего у власти столетиями, и по праву рождения считался выше остальных.

В глазах генералитета старый полководец Чжун, посвятивший жизнь войне, был первым среди военных после Увековечивающего Государство Хоу.

Генералы Востока и Запада, как и Линь Цэ, годами охраняли границы и не участвовали в придворных интригах, поэтому в столицу сейчас не прибыли.

Только Линь Цэ по особому указу императрицы был вызван в столицу и сегодня предстал перед двором.

Он был выходцем из низов, ему было всего двадцать четыре года, он был самым молодым военачальником в зале, но при этом занимал высшую должность — Великого полководца, охраняющего государство.

Линь Цэ стоял во втором ряду, но поскольку остальные трое отсутствовали, первый ряд пустовал, и он оказался во главе военных.

Взоры всех чиновников были устремлены на него — кто-то смотрел открыто, кто-то украдкой.

Линь Цэ будто не замечал этого, стоя со сложенными за спиной руками, словно все происходящее в зале не имело к нему никакого отношения.

Вскоре в поле зрения появился еще один новоиспеченный вельможа, впервые пришедший на собрание.

Хуай-ван Чжоу Цзэи, изящный и статный, вошел в зал.

Многие вздрогнули и судорожно вздохнули.

Великая княгиня Аньпин и Увековечивающий Государство Хоу скончались десять лет назад, и старые сановники до сих пор хранили о них свежие воспоминания.

Увидев Хуай-вана, они испытали не меньший шок, чем при виде генерала Линя.

Его лицо, столь поразительно напоминавшее великую княгиню Аньпин, вызывало трепет. Изумление смешивалось с нахлынувшими воспоминаниями.

В те годы княгиня и Хоу держали в руках всю власть, и половина чиновников были их сторонниками.

Позже поместье Хоу пало, и император Сюань уничтожил их всех.

Нынешние старые чиновники либо тогда выжидали, либо были их политическими противниками.

Все понимали, почему бывший юный наследник, а ныне Хуай-ван, стоит здесь.

Хуай-ван пришел за тронном, ступая по кровавому пути.

Одни поддерживали его, другие выступали против, третьи хранили нейтралитет, наблюдая за огнем с другого берега, но все пристально следили за ним, не проронив ни слова.

Тиканье водяных часов отражалось в блеске солнечных лучей.

Пробил час, в императорском городе раздались далекие звуки колокола, и первое великое собрание после смерти императора Сюаньфу официально началось.

Трон на возвышении в северной части дворца Цзяншань пустовал.

За тронном висела бамбуковая штора, полностью скрывавшая фигуру императрицы.

Евнух тонким голосом пронзительно выкрикнул:

— Есть ли доклады?

Один из трех гунов, Да-сыту, вышел вперед, держа в руках дощечку ху, и доложил:

— Император Сюаньфу скончался на полпути, само небо рыдает, и холодный дождь не перестает. Мы, ваши слуги, скорбим и желали бы последовать за государем, но долг перед государством не позволяет нам нарушить волю Небесного Сына.

— Ныне траур завершен, у государя не осталось наследников, и трон пустует. Страна не может оставаться без правителя ни дня. Мы умоляем императрицу, следуя воле Небес, поскорее назначить нового государя, чтобы тот принял бразды правления.

Согласно законам предков Наньчжао, в такой ситуации трон должен был занять брат или племянник императора Сюаньфу.

При дворе было пятеро мужчин из рода Чжоу, обладавших реальной властью, поддержкой и правом претендовать на трон.

Двое были братьями императора Сюаньфу, остальные трое — его племянниками.

Выбрать одного из пяти кандидатов было непросто.

Как только Да-сыту закончил, сторонники императрицы из числа сановников тут же заявили:

— Хуай-ван — родной внук императрицы и родной племянник императора Сюаньфу, он — единственный законный наследник рода Чжоу.

— Кому еще, как не ему, занять место Небесного Сына?

— Вовсе нет, — тут же возразили чиновники из партии Гуансян-вана Чжоу Ханя.

— В свое время великая княгиня Аньпин и Увековечивающий Государство Хоу совершили непростительные преступления. Император Сюаньфу лишил их сына титула и низвел до

простолюдина. Даже если сейчас ему вернули титул вана, он десять лет провел взаперти в поместье, не учился в Академии, не получал наставлений от мудрых учителей, у него нет опыта управления государством. Как он может быть правителем?

— Назначать следует достойных. Трон должен занять тот, кто способен управлять, и нельзя лишь потому, что Хуай-ван — сын княгини, поспешно возводить его на трон.

— Гуансян-ван Чжоу Хань — сын старшего брата императора Сюаньфу, он также является кровным членом императорской семьи и законным представителем рода Чжоу. Он верен и предан, известен своей мудростью и добродетелью, он непременно станет великим правителем.

Сторонники императрицы парировали:

— Хотя Хуай-ван и провел десять лет в поместье, императрица лично приглашала величайших мудрецов современности, чтобы они наставляли его, и мы сами проверяли его знания. К тому же, в нашем дворе Наньчжао полно талантов, оба премьер-министра, три гуна и девять министров — все они мудрые мужи.

— Хуай-ван одарен, прилежен в учебе и умеет прислушиваться к советам. С нашей помощью, о чем нам беспокоиться? Наньчжао будет процветать.

Партия Гуансян-вана немедленно перешла в наступление:

— Хуай-ван — потомок преступников. Десять лет назад поместье Хоу совершило множество злодеяний, народ был в ярости. Если Хуай-ван взойдет на трон, как народ сможет подчиниться? Сердца людей не будут с ним.

Великая княгиня Аньпин была старшей сестрой императора Сюаньфу и с детства была любимицей императрицы и покойного императора. Император Сюаньфу ради страны был вынужден пожертвовать родственными узами.

Преступление княгини было запретной темой при дворе, и последние десять лет чиновники молчали, никто не осмеливался упоминать об этом в присутствии императора и сановников.

Однако сейчас, ради борьбы за трон, партия Гуансян-вана не побоялась затронуть эту тему, ведь это было самым уязвимым местом сторонников императрицы.

Потомок преступника, ненависть народа, отсутствие легитимности в глазах людей.

К тому же, многие из нынешних чиновников десять лет назад сами или их отцы страдали от притеснений и преследований со стороны клики княгини.

Разве могли чиновники, затаившие обиду, поддержать восхождение Хуай-вана на трон?

<http://bllate.org/book/20257/2020364>